

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундских
из дома
Валуа —
1364—1477**

Том 3

Проспер де Барант

**История герцогов Бургундских
из дома Валуа — 1364—1477. Том 3**

«Издательские решения»

Барант П.

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477.

Том 3 / П. Барант — «Издательские решения»,

В третьем томе описаны политические интриги и военные конфликты начала XV века во Франции: борьба герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного с герцогом Орлеанским, убийство последнего, оправдание убийцы, народные волнения в Париже и гражданская война между партиями бургундцев и арманьяков.

© Барант П.

© Издательские решения

Содержание

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477	6
Том третий. — Иоанн Бесстрашный	7
Книга первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477 Том 3

Проспер де Барант

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де Барант, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-8609-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История герцогов Бургундских из дома Валуа — 1364—1477

Том третий. — Иоанн Бесстрашный

Книга первая

Оммаж Герцога. — Война с Англией. — Раздоры между герцогом Бургундским и герцогом Орлеанским. — Похищение герцога Гиеньского. — Убийство герцога Орлеанского. — Бегство герцога Бургундского. — Его возвращение в Париж. — Он предлагает своё оправдание. — Он снова покидает Париж. — Герцогиня Орлеанская выдвигает своё обвинение. — Победа в Хесбайне [Hasbain]. — Льежцы покорены.

В ТО ВРЕМЯ как траурный кортеж герцога Филиппа медленно следовал к месту его погребения, двое его старших сыновей, оставив руководство похоронами на своего младшего брата Филиппа и графа Ричмонда, отправились в Париж. Они ехали принести верноподданнический оммаж и клятву верности королю, который в тот момент находился в периоде хорошего здоровья.

Оммаж, принесённый наследниками герцога Бургундского, отличался от того, что практиковалось обычно. Жан, граф Неверский, принёс оммаж за первое пэрство королевства и за герцогство Бургундское двумя отдельными актами. В то время не было редкостью, когда даже должность или простая пенсия жаловались в качестве фьефа.

В то же время, и за те немногие дни, что он провёл в Париже, новый Герцог, осаждаемый требованиями, которые предъявляли все купцы, ремесленники и artisans, кредиторы его отца, оказался вынужден уступить им движимое имущество, которое тот оставил. Картины, гобелены, драгоценности, богатые одежды были проданы или взяты в уплату для удовлетворения наиболее неотложных долгов. Таким образом была погашена часть долгов на сумму до ста девятнадцати тысяч франков [1].

Герцог Жан затем возвратился, чтобы присоединиться к кортежу своего отца, дабы присутствовать при его въезде в Дижон. Коммуна по этому поводу проявила некоторое беспокойство. Она опасалась, что посредством этой траурной церемонии новый Герцог совершит свой въезд в город, не поклявшись соблюдать его привилегии. Как только ему изложили это затруднение, он поспешил его удовлетворить, отправив следующее заявление: «Жан, герцог Бургундский, граф Неверский и барон Донзи, всем, кто увидит сии настоящие письма, шлёт приветствие: да будет ведомо, что поскольку для более торжественного и более почётно́го приёма и встречи прелатов, баронов и прочих людей церковных и светских, кои в ближайший понедельник будут на похоронах покойного нашего дражайшего господина и отца, да простит ему Бог, мы имеем намерение, если будет угодно Богу, отправиться и въехать в наш город Дижон; и так как служба будет долгой, и велико будет стечение народа, который там будет, и мы не сможем подобающим образом принести клятву, которую наши предшественники герцоги Бургундские имели обыкновение при своём первом въезде в упомянутый город, согласно привилегиям и вольностям оного, мы, желающие сохранить и поддерживать упомянутые привилегии нашего названного города, желаем, и мэру и эшевенам даровали и согласовали, даруем

и соглашаемся, чтобы въезд, который мы совершим в тот день, не принеся клятвы соблюдать сии привилегии, не был для него или не обернулся бы для него каким-либо ущербом или умалением упомянутых привилегий. В свидетельство чего велели приложить нашу печать к сим настоящим. Дано в Шанто 13-го дня июня, года благодати 1404.»

Герцог вскоре исполнил своё обещание; на следующий же день после похорон, 17 июня, он совершил в Дижон свой суверенный въезд и принёс клятву соблюдать привилегии коммуны обычным порядком. Он провёл несколько дней в своём герцогстве, подтвердил и назначил, по крайней мере до нового распоряжения, всех должностных лиц герцогства, назначенных в правление его отца. Он также издал несколько полезных постановлений, предложенных ему его советом [2].

Вскоре после того он возвратился в Париж, дабы отпраздновать уже заключённый брак дофина Людовика, герцога Гиеньского, со своей дочерью Маргаритой Бургундской. Помолвка Филиппа, его старшего сына, с Мишель Французской, дочерью короля, также была торжественно отпразднована. Король выказывал ему великое благоволение и уступил ему часть субсидий [aides], наложенных на многие из его владений, дабы помочь ему уплатить долги его отца. Королева также обращалась с ним с великой дружбой. Вскоре после этого двойного бракосочетания она обещала ему с клятвой, скреплённым печатью подлинным актом, помогать и защищать его всеми своими силами и извещать его обо всём, что, как она узнает, захотят предпринять против него или его владений.

Он ещё не вмешивался в дела королевства, не был обычно в совете короля и занимался лишь приведением в добрый порядок своего герцогства. Ссоры, которые герцог Орлеанский имел с его отцом, более не возобновлялись [3]. Но вскоре они получили повод разразиться с ещё большей силой.

Война между Англией и Францией продолжала разгораться всё более и более. Предприятия, которые оба королевства допускали или поощряли, каждое со своей стороны, становились день ото дня серьёзнее и чаще. Особенно на море англичане причиняли Франции тысячу зол. Посему захотели изыскать способ обзавестись кораблями; сир де Савуази, обер-гофмейстер королевы, доблестный рыцарь, весьма обласканный герцогом Орлеанским, был уполномочен отправиться к королю Кастильскому, чтобы просить их у него. Он имел мало успеха в своём поручении и привёз лишь довольно туманное обещание. Когда на это пожаловались, король Кастильский тогда велел заверить совет короля во всём своём рвении. Этот новый ответ, столь отличный от первого, вызвал досадные толки против сира де Савуази. Но он, будучи блестящим бойцом на всех турнирах и поединках, предложил вызов всякому, кто станет утверждать, что он не добросовестно исполнил своё посольство [4].

В то же время несколько молодых дворян из Нормандии, среди прочих сир де Мартель, де Ла-Рош-Гийон и д'Аквиль, не испросив на то позволения ни у кого, даже у своих родителей, снарядили несколько кораблей и в количестве около двухсот человек отправились искать приключений против англичан. Они высадились на острове Портленд и разграбили его; но жители, видя их малочисленность и недостаток предосторожности, окружили их и с позором взяли в плен [5].

Бретонцы, тайно уполномоченные советом короля, также предприняли в том году новое предприятие под командованием сиров Гийома Дюшателя, де Ла-Жай и де Шатобриана. Оно не

было проведено с большей осмотрительностью, и сир Гийом Дюшатель, один из доблестнейших рыцарей королевства, погиб там, сражаясь как отчаявшийся.

Его брат, сир Таннеги Дюшатель, решил отомстить за него. Он встал во главе более многочисленной и лучше согласованной экспедиции с четырьмястами дворян; он высадился близ Дартмута, предал всю страну огню и мечу, захватил там огромную добычу и вернулся в Бретань, не потерпев ни малейшей неудачи [6].

Тем временем подготавливался более важный замысел. Оуэн Глендор, потомок древних принцев Уэльса и сын Ивайна Уэльского, бывшего товарищем французских рыцарей и погибшего на службе короля, восстал против короля Англии. Он прибыл во Францию просить помощи и покровительства. Наилучший приём был оказан ему всеми сеньорами и рыцарями. Каждый желал принять участие в его авантюрном предприятии. Было решено снарядить для этого большой флот в Бресте и отправить восемь тысяч вооружённых людей под командованием Жака де Бурбона, графа де Ла-Марш.

Столько же для того, чтобы досадить этому флоту, сколько и чтобы отомстить за подвиги сира Дюшателя, англичане высадились близ Геранда, рассчитывая застать Бретань без защиты. Но старый сир де Клиссон был настороже; он отправил просить помощи у молодого герцога Бретонского, который год назад прибыл принять управление своим государством. Сир де Лье, маршал Бретонский, прибыл во главе семисот копий. Англичане были яростно атакованы, и сир Таннеги Дюшатель сразил насмерть ударом своего могучего боевого топора графа де Бомона, их капитана.

Это преимущество несколько не помогло предприятию графа де Ла-Марш. Сей молодой принц так замедлил прибыть в Брест, дабы присоединиться к рыцарям, которые ожидали его с нетерпением и которые бесполезно тратили свои деньги; он так забылся в увеселениях двора и в играх в карты и кости, что прибыл для посадки на корабли лишь в ноябре, когда сезон был плох, а ветры опасны. Каждый желал вернуться восвояси; он заклинал рыцарей не наносить ему такого оскорбления. Год был слишком далеко зашедшим, чтобы думать о попытке экспедиции в Уэльс. Принц захотел сперва высадиться в Дартмуте, он опасался встретить там слишком сильное сопротивление, и экспедиция завершилась тремя часами, проведёнными близ Фалмута, после сражения с жителями той страны [7].

Англичане также потерпели неудачу в попытке против Ла-Рошели, куда они хотели проникнуть, подкупив некоторых из жителей.

На границах Гиени велась наиболее ожесточённая и непрерывная война. Гасконцы, ежедневно разоряемые англичанами, горько жаловались коннетаблю д'Альбре, одному из своих главных сеньоров; они заклинали его вырваться из развратной и легкомысленной жизни, которую он вёл при дворе, дабы прийти спасти свою страну. Он был чувствителен к этим упрекам и прибыл к ним на помощь в конце августа с восьмьюстами копий. Вскоре он преуспел в том, чтобы вынудить английские гарнизоны запереться в своих крепостях; он осадил несколько из них и овладел ими. На мгновение у него возникла надежда захватить Бордо, где готовился заговор в пользу французов; но он был раскрыт [8].

Пока коннетабль таким образом даровал некоторое спокойствие стране, столь долго разоряемой и которая даже не могла более возделываться, молодой граф Клермонский, сын герцога Бурбонского, прибыл оказать ту же услугу Лимузену; он проходил там своё боевое крещение и

выказал себя с великой честью; он, по вызову, назначил день битвы с англичанами. В Париже были совершены публичные молитвы о даровании победы; но враги не явились в условленное место. Война обратилась в осады замков и крепостей. Граф Клермонский взял их в великом множестве и освободил почти всю провинцию.

Граф де Сен-Поль, несмотря на свои неудачи, тем не менее продолжал войну, которую начал, и жил в частых стычках с гарнизоном Кале.

Столь великий беспорядок и столь плохая защита королевства вызывали всеобщий ропот против правления герцога Орлеанского и королевы. Повсюду, даже в тавернах и на перекрёстках, говорили, что они не заботятся ни о чём, кроме как вырывать деньги у народа, что они оставляют его без защиты против врагов, используя войну лишь как предлог для своих вымогательств.

Последняя талья [taille] была похищена в Лувре герцогом Орлеанским, и ни один экю из неё не был употреблён на службу королевству, как уверяли лица наиболее серьёзные и наиболее достойные доверия. Всё ушло на расходы герцога и на роскошные строения, которые он возводил во всех своих владениях. Итак, нужно было, если желали вести войну, достойную королевства, снова просить налогов. Именно для этого в конце февраля 1405 года в совете короля была предложена новая талья. Мнения разделились; герцог Бургундский, который был призван в совет, говорил так:

«Я не могу не заявить, что желание обременить бедный народ новой тальей есть замысел тиранический. Он ужасно отягощён последней, с которой было собрано сумм, по меньшей мере достаточных для того, что мы *delibegировали* сделать для блага королевства. Я полагал, что мой долг обязывает меня говорить так. Совет может распорядиться, как ему будет угодно; но если он согласится с моим дорогим кузеном Орлеанским относительно введения этой тальи, я громогласно протестую, что воспрепятствую тому, чтобы мои подданные были ею обременены; она не будет иметь силы ни в одной из моих земель. К тому же, у меня есть рыцари и оруженосцы, вполне готовые исполнить приказы монсеньора короля, и в таком числе, в каком ему будет угодно. Они не откажутся ни от одного случая из всех, кои представятся для блага королевства. Скажу более: если остатка денег, что были собраны в прошлом году, недостаточно, я предпочту, дабы заградить уста тем, кто был бы недоволен моим мнением, заплатить из своих средств долю, которая должна была бы пасть на моих подданных, при условии, что обложение будет произведено добрыми людьми, и также при условии, что будут надлежащим образом обоснованы причины, воспрепятствовавшие тому, чтобы последней тальи было достаточно».

Герцог Бретонский, также присутствовавший, говорил в том же смысле и предложил ещё подождать выплаты ста тысяч экю, которые ему причитались за приданое его жены.

Но герцог Орлеанский имел полную долю власти. Советники короля были его льстецами и угодниками, они хорошо сумели найти доводы, чтобы поддержать его волю. Талья была решена, провозглашена и объявлена 5 марта; преамбула высказывалась о талье предыдущего года и осуждала ропот, который она вызвала; в ней говорилось, что поступления были употреблены на завоевание крепостей в Лимузене и в Гиени, и что если дорогостоящее предприятие графа де Ла-Марш не удалось, то это была вина ветров и бурь.

Эти слова никого не убеждали, и суровое взимание новой тальи ещё добавляло к недовольству. Повсюду видели продаваемую мебель, несчастных, лишённых даже соломы с их

постелей, или влачимых в тюрьмы. Также слышны были ужаснейшие проклятия против герцога Орлеанского. Он опасался, как бы не дошло до какого-либо мятежа, и под звук трубы было запрещено носить ни шпагу, ни тесак, ни какое-либо иное оружие [9].

Герцог Бургундский, напротив, стал весьма дорог народу, чьи интересы он защищал; но он только что был призван в иные места важными заботами. Его мать скончалась почти внезапно 21 марта 1405 года, пережив, таким образом, мужа, которого всегда любила, лишь на одиннадцать месяцев. Её смерть сделала герцога Бургундского столь же могущественным, сколь был его отец. Он поспешил вступить во владение своими новыми владениями во Фландрии и без промедления посетил все эти богатые города, господином коих он становился; он был принят там с великой пышностью и выказал столь же лёгкий доступ, как герцог Филипп; он был достаточно предупреждён опытом прошлого о великих выгодах, которые он будет иметь от добрых отношений с фламандцами; он даровал им различные привилегии; он предоставил, чтобы правосудие вершилось на немецком языке в Германской Фландрии; он отменил несколько конфискаций, объявленных при его отце; он обещал, и это было важнейшим делом, чтобы никакая война не прерывала торговлю с англичанами [10]; наконец, поскольку сильно опасались тальи, которую только что повелел совет короля Франции, он разом прекратил жалобы и ропот, прямо запретив её уплату.

В соответствии с этим решением, он отправил от своего имени и имени своих братьев депутатов доставить во Францию их ответ на это постановление о талье, которое уже было сообщено герцогине, их матери, за несколько дней до её смерти. Он повторял в этих письмах всё, что говорил в совете, и формально объявил, что налог не будет взиматься с его подданных [11].

Такое поведение должно было раздражить герцога Орлеанского. Он вскоре показал, что его намерением не было щадить дом Бургундии. В конце апреля он с великой торжественностью обвенчал мадемуазель д'Аркур, кузину короля и свою, с герцогом Гелдернским, заклятым врагом герцога Бургундского и герцогини Брабантской. Когда герцог Лимбургский, который управлял Брабантом и должен был наследовать его, узнал об этом оскорблении, он тотчас вооружился и отправил герольда бросить вызов герцогу Гелдернскому. Дабы сильнее оскорбить его, герольд, согласно полученным им приказам, предстал посреди свадебного пира; затем, показав свои письма, он сказал герцогу Гелдернскому, что вызывает его именем герцога Лимбургского как предателя и вероломного, и что его господин готов подтвердить это против всех отсутствующих и присутствующих, кроме монсеньора короля [12].

Герцог Гелдернский выслушал герольда спокойно и с тем же выражением лица, с каким принимал поздравления по поводу своей свадьбы. Он тотчас снял с себя своё красивое свадебное платье, сделал из него подарок герольду с чрезвычайной учтивостью и на следующее утро покинул свою новую супругу, дабы отправиться защищать свои владения.

Герцог Бургундский не мог принять деятельного участия в этой ссоре. Ему надлежало защищать своё графство Фландрию против англичан. Отразив графа де Сен-Поля в тот момент, когда он собирался овладеть замком Марк, ободрённые своим успехом, они захватили Гравлин и атаковали порт Слэйс. Но гарнизон и жители оказали столь хорошее сопротивление, что отбили англичан. Они даже потеряли при этой стычке своего капитана.

Итак, важно было укрепить города и крепости и обуздать подобные предприятия. Герцог собрал своих вооружённых людей, отбил Гравлин, разместил сильные гарнизоны и привёл побережья и границы в оборонительное состояние. Это было в течение мая и июня.

Дабы пресечь зло в корне и оказать королевству самую выдающуюся услугу, что было бы важнее всего, — это отбить Кале. Герцог Филипп имел этот замысел в последние дни своей жизни. Его сын захотел его осуществить; его совет, который он часто собирал в Аррасе, весьма хвалил этот доблестный замысел, но полагал, что предпринимать его должно не иначе как с приказами короля и с помощью, которую тот предоставит. Итак, Герцог отправил послов, дабы предложить осадить Кале.

Послы были выслушаны с малой благосклонностью и не получили никакого ответа.

Согласно общественной молве, герцог Орлеанский и королева, которые всем заправляли, мало заботились об интересах королевства. Отвращение к ним постоянно возрастало. Всякое уважение было утрачено. О них рассказывали самые бесстыдные истории. Нравы двора развращались всё более и более; Франция становилась предметом соблазна и насмешки для иностранных наций; принцы и сеньоры жили в роскоши, не платя бедным купцам, кои не осмеливались требовать своих долгов; в то же время король и дофин пребывали в постыдной нужде [13].

Таковы были речи каждого; но никто не имел смелости говорить об этом с теми, кто управлял, пока в день Вознесения королева отправилась слушать проповедь учёного августинца по имени Жак Легран, уже весьма известного своими книгами и который даже посвящал и подносил их герцогам Беррийскому и Орлеанскому. Этот монах выразился весьма мужественно. Подробно изобразив пороки и добродетели придворных людей, сказав, чего следует избегать и что соблюдать, он продолжил так:

«Поистине, я желал бы угодить вам, благородная королева, но я предпочитаю ваше спасение страху, который может причинить мне ваш гнев. Единая богиня Венера царит при вашем дворе. Чревоугодие и пьянство превращают там ночь в день и смешиваются с сладострастными плясками. Сей проклятый и адский кортеж осаждает двор, изнеживает нравы и силы многих людей и часто препятствует изнеженным рыцарям и оруженосцам отправляться в военные походы из страха возвратиться оттуда искалеченными в каком-либо из своих членов».

Отсюда он перешёл к роскоши одеяний, главной виновницей коей была королева; и после того как сильно пожурил её:

«О королева, — добавил он, — вот, среди многого другого, что говорится к стыду двора. Если вы не желаете мне верить, облачитесь в платье какой-нибудь бедной женщины и пройдите по городу, вы услышите, как об этом говорят достаточно людей».

Королева не слушала всё это с удовольствием. Дамы её дома затем сказали проповеднику, что они весьма удивлены, что он столь дерзок, чтобы держать такие злые речи. «А я, — сказал он, — ещё более удивлён, что вы осмеливаетесь совершать столь злые поступки, и даже худшие, кои я хорошо сумею высказать всякий раз, как это будет угодно королеве». Один офицер королевы, проходя мимо него, принялся тогда говорить: «Если бы меня послушали, этого негодяя бросили бы в воду». Монах, презирая эту угрозу, ответил ему: «Чтобы увидеть совершение этого преступления, недостаёт только жить под тираном, подобным тебе».

Не преминули донести королю всё, что говорил брат Легран, и рассказать об огромных оскорблениях, кои он нанёс королеве. Он не разгневался, как того хотели бы, казался довольным и приказал, чтобы брат Легран пришёл проповедовать в его собственной молельне в день Пятидесятницы.

Монах взял текстом: *Spiritus sanctus docebit nos omnem veritatem*; сперва он говорил о таинстве праздника, затем, перейдя к нравам, сказал, что долг проповедника — возвещать публично истину, сколь бы внушительна ни была аудитория. Тогда он подробно рассказал, как при дворе вельмож и глав государства божественные заповеди попираются ногами, евангельское учение отвергается, вера, милосердие, богословские и кардинальные добродетели преданы забвению: он особо укорял пороки тех, кто взял на себя управление королевством, и сказал, что оно управляется плохо и с нерадением.

Король, слыша всё это, то ли по собственному побуждению, то ли по совету другого, поднялся и встал прямо напротив проповедника. Тот не уstraшился от этого более, и, обратив речь к самому королю, сказал ему употребить с пользой то, что он слышит, в противном случае это обратится ещё к стыду его советников, кои скрывают от него истину. Затем он принялся припоминать память его отца.

«Да, — сказал он, — во время его правления он также налагал тали на народ, но на их доходы он строил крепости для защиты королевства, отражал врагов, овладевал их городами, копил сокровища, кои сделали его могущественнейшим из королей Запада; а ныне ничего подобного не делается, хотя на народ возлагают бремя ещё более тяжкое».

Он добавил, что из талий, дважды взимавшихся в течение одного года, ничего не пошло на общественную пользу, что ни одна военная экспедиция не принесла чести королевству, что жалованье не выплачивается вооружённым людям, но что накапливаются сокровища для некоторых частных лиц, кои употребляют их самым бесстыдным образом.

«Высшее благородство нынешнего времени, — продолжал он, — это посещать бани, жить в разврате, носить богатые одежды с красивыми бахромами, хорошо шнурованные и с широкими рукавами. Сир, это касается и вас, и я скажу вам, что это всё равно, как если бы вы были одеты в достояние, слёзы и стенания сего несчастного народа, чьи жалобы, с прискорбием говорим мы, восходят к Верховному Королю, дабы обвинить столь великую несправедливость».

Он говорил также о некоем лице, коего назвал лишь герцогом, чья юность обещала добрый нрав, но который ныне навлёк на себя проклятие народа своей непотребной жизнью, своей ненасытной алчностью и невыносимым угнетением, кое он и ему подобные чинят всем.

Заключение его было, что он опасается, как бы, если столь многие злодеяния продлятся долго, Бог, Который располагает по Своей воле короной королей, вскоре не перенёс скипетр к чужеземцам или не допустил, чтобы королевство было разделено.

Вопреки желанию и ожиданию придворных, король одобрил верность сего проповедника и рассудил, что было бы разумно исправить злоупотребления, кои тот обличил. Это доброе намерение не могло возыметь никакого действия; бедный принц снова заболел 9 июня [14].

Герцог Орлеанский и королева продолжали всё так же, как и прежде. Однако через несколько дней они приняли за предостережение небес несчастный случай, произошедший с ними: они прогуливались в лесу Сен-Жермен, королева в своих носилках, герцог верхом; разразилась ужасная буря; герцог укрылся от дождя, поднявшись в носилки. Едва он там оказался, как молнии и гром вызвали ужасающий страх у лошадей; они устремились с чрезвычайной быстротой к реке, и ничто не могло их сдержать; однако, по нечаянному счастью, возница сумел перерезать постромки в тот момент, когда носилки уже готовы были низвергнуться в воду. На следующий день бури продолжились, и молния ударила в отель Сен-Поль, в комнату дофина. Благоразумные люди убедились, что не должно пренебрегать сими повторными знаками небесного гнева; они с силой говорили об этом с герцогом Орлеанским, который столь же легко возвращался к покаянию, сколь легко увлекался грехом; он не оскорбился советами, кои ему давали, и решил исправиться. Для начала он велел объявить в Париже, что собирается уплатить свои долги и что его кредиторы должны явиться в его отель в назначенный день. Их пришло более восьмисот со своими счетами, но доброе намерение герцога успело пройти; его люди насмеялись над всеми бедными купцами, предлагая им треть их требования; говоря им, когда те хотели жаловаться, что герцог оказал им великую честь, вспомнив о них. Так принц продолжал, несмотря на свои поборы, содержать свой дом за чужой счёт [15].

Его алчность к приобретению всевозможными средствами земель и владений от этого нисколько не была менее пылкой. Совсем недавно он снова выиграл, благодаря влиянию, кое имел на парламент, процесс, исход коего вызвал всеобщий ропот. Дочь сира де Куси вышла замуж за мессира Анри де Бара, который умер в крестовом походе; оставшись вдовой, она, как говорили, подобно многим другим женщинам, уступила желаниям герцога Орлеанского. Он воспользовался этим, чтобы заставить продать себе землю Куси за умеренную пожизненную пенсию. Дама де Бар вскоре умерла, и её семья, согласно закону о фьефах, захотела осуществить право выкупа на землю Куси; это то самое дело, в котором, вопреки ожиданию ученых людей, герцог Орлеанский одержал верх. Наконец, последняя попытка, казалось, увенчала столь многие злоупотребления властью. Пока король был болен, герцог Орлеанский присвоил себе самому управление Нормандией и отправился в провинцию, дабы вступить во владение этой великой должностью. Коменданты крепостей отказались признавать его и передавать их ему; горожане Руана, коим он приказал доставить своё оружие в замок, ответили, что оно нужно им для защиты своего города и для охраны его именем короля.

Герцог Орлеанский тогда вернулся к королю, который обрёл некоторое здоровье, и просил его утвердить его в этом управлении. Король согласился на это, но прежде пожелал поговорить об этом со своим советом. На сей раз притязание герцога Орлеанского было столь чрезмерным, что некоторые из советников имели мужество сказать королю правду: «Монсеньор, — сказали они, — Нормандия есть самая богатая провинция вашего королевства; необходимо, чтобы должностные лица, кои управляют ею, были назначаемы по вашему выбору, смещаемы по вашей воле, а не по воле другого. Если бы король, ваш отец, был ещё жив, мы полагаем, что он не отдал бы её даже вам самому, своему старшему сыну и преемнику: это против блага королевства». Это сопротивление придало смелости некоторым из главных сеньоров; они изобразили королю состояние дел и, сверх крайнего расстройств финансов королевства, сообщили ему, что нет средств для удовлетворения его собственных нужд, ни для повседневных расходов его дома. Он узнал, что его дети пребывают в ещё большем забвении; он призвал дофина, ребёнок признался, что это правда, но что королева своими ласками взяла с него обещание скрывать это от короля. Гувернантка также подтвердила то, что сказал дофин; король, тронутый тем, что эта женщина с таким рвением и верностью восполнила небрежение матери, сердечно поблагодарил её и подарил ей золотой кубок, из которого имел обыкновение пить [16].

Король, будучи таким образом просвещён относительно печального состояния королевства и дурного правления, выказал некоторую волю и решился собрать торжественный совет, дабы принять в нём меры; он пожелал, чтобы все принцы его крови присутствовали на нём; герцог Бургундский был призван. Он решил прибыть в Париж, дабы быть Господином. Он отбыл из Арраса 16 августа с примерно восемьюстами рыцарей Бургундии и Фландрии и сделал распоряжения, чтобы более значительные силы присоединились к нему. Он поспешил, и вскоре узнали, что он находится в Лувре, неподалёку от Парижа.

Герцог Орлеанский никак не ожидал этого события. Военные приготовления герцога Бургундского не беспокоили его. Он мог полагать, что они предназначены против англичан. Ему недоставало денег и вооружённых людей. Город Париж был объят яростью против него и против королевы. В народе считали достоверным, что люди Меца, задержав повозки, которые эта принцесса отправляла в Германию, обнаружили их нагруженными деньгами: и что, таким образом, поступления от этого жестокого налога, под которым стонал народ, достались чужеземцам. В этой крайности герцог Орлеанский и королева сочли, что у них нет иного выхода, кроме бегства. Ничего никому не говоря, они отправились в замок Пуьи-ле-Фор близ Мелена, оставив лишь приказ герцогу Людовика Баварскому и маршалу Бусико отвезти на следующий день дофина и его братьев; герцог Беррийский, герцог Бурбонский, король Сицилийский, король Наваррский не были ни о чём спрошены, всё делалось без их ведома. Король за несколько дней до того снова впал в болезнь.

Герцог Бургундский узнал в Лувре об этом отъезде королевы и герцога Орлеанского. Он тотчас сел на коня, надеясь ещё успеть помешать тому, чтобы дофин был увезён. Прибыв в Париж, он узнал, что герцог Баварский, несмотря на сопротивление слуг дофина, похитил его, переправил через Сену на лодке и направился по дороге на Вильжюиф. Не сходя с коня, не останавливаясь ни на мгновение, герцог Бургундский крупной рысью пересек Париж со своей свитой и настиг дофина в Жювизи между Вильжюифом и Корбеем. Он предстал перед ним, весь покрытый пылью; почтительно приветствуя его, он спросил, куда он едет и не предпочёл ли бы он вернуться в Париж: ребёнок ответил, что да. Он был в носилках с юной дочерью сира де Монтегю, ребёнком его возраста. Рядом с ним верхом были его дядя герцог Баварский, маркиз дю Пон, сын герцога Барского, сир де Даммартен и сир де Монтегю. Герцог Баварский выступил вперёд: «Господин герцог Бургундский, — сказал он, — позвольте монсеньору Аквитанскому, моему племяннику, проследовать к королеве, его матери, и к его дяде, монсеньору Орлеанскому. Его ведут туда с согласия короля, его отца». И он запретил кому бы то ни было останавливать носилки, в которых находился дофин. После кратких слов герцог Бургундский воскликнул: «Однако его вернут, и в бороду всякому, кто захотел бы этому воспротивиться». Он приказал своим людям повернуть лошадей, и юный принц снова направился в Париж в сопровождении бургундцев, в то время как его свита быстро бежала, дабы принести эту весть королеве и герцогу Орлеанскому. Они обедали в замке Пуьи и, опасаясь увидеть прибытие вооружённых людей герцога Бургундского с часу на час, поспешно спаслись в Мелен [17].

Тем временем герцоги Беррийский и Бурбонский, короли Наваррский и Сицилийский приняли сторону герцога Бургундского. Как только они узнали, что дофин возвращается, они вышли ему навстречу в большом убранстве. Юный принц проследовал через Париж среди приветствий горожан и был доставлен в Лувр, всегда в сопровождении герцога Баварского. Герцог Бургундский сперва разместился в Лувре в комнате Святого Людовика и выставил сильную стражу вокруг замка.

Уже на следующий день, 26 августа, он велел созвать большое собрание из принцев, прелатов, советников короля, университета и главных представителей буржуазии. Он поручил председательствовать на нём дофину; и, испросив у него на то позволение, велел прочесть одним из своих секретарей своего рода увещевание, составленное примерно в следующих выражениях:

«Жан, герцог Бургундский, Антуан Бургундский, герцог Лимбургский, и Филипп Бургундский, граф Неверский, ваши нижайшие и послушнейшие подданные, признавая верноподданно, как то и подобает, что каждый в вашем королевстве обязан служить вам, любить и обязываться перед вами после Бога, и что недостаточно воздерживаться от причинения вам вреда, но что надлежит и должно доводить до вашего сведения то, что делается или замышляется против вашей чести и выгоды; зная, что те, кто связан с вами близостью родства, брачными союзами или крупными сеньориями, обязаны к этому более особо: посему, наш всемилостивейший и верховный государь, мы, кто по сим основаниям чувствуем себя связанными с вами, кто являются вашими подданными, рождёнными в вашем королевстве, и, милостью Божьей, рождёнными от вашего рода и вашими кузенами; а именно я, Жан, вашей милостью герцог Бургундский, пэр Франции, декан пэров, граф Фландрии и Артуа; я, Антуан, граф Ретельский, кастелян Лилля; и я, Филипп, граф Неверский, барон Донзи. Кроме того, по вашей милости и вашей снисходительности, а также и нашей всемилостивейшей и верховной госпожи королевы, вы заключили брак моего дражайшего и высокочтимого господина, монсеньора герцога Гиенского, дофина Вьеннского, вашего старшего сына, с вашей нижайшей подданной, дочерью меня, герцога Бургундского, а также брак мадам де Шароле с моим сыном.

«Более того, мы обязаны к этому отцовским заветом; ибо монсеньор наш отец, да упокоит Бог его душу, ваш нижайший и послушнейший подданный, ваш дядя, тот, кто так нежно вас любил и вскармливал во время вашего детства, кто столь благородно вас воспитал, кто столь верно служил до своего конца и вам, и вашему королевству, повелел в свой последний час мне, герцогу Бургундскому, и мне, герцогу Лимбургскому, и взял с нас обещание превыше всего на свете служить вам и повиноваться вам; по сей причине и по тем, кои мы изложили выше, и по чрезвычайно великой привязанности, которую мы имеем к вам, к госпоже королеве, к монсеньору Гиенскому, ко всей вашей благородной семье, дабы не преступить упомянутые узы и обязательства, притворяясь и скрывая от вас ущерб, который наносят вам и вашему королевству, вероломство и Божье негодование, нам необходимо, как нам кажется, изложить вам и объявить о вещах, кои делаются во вред вам и вашему королевству: кои разделяются, по нашему мнению, на четыре пункта.

«Первый и главный касается вашей особы, о коей, сколь бы необходимо это ни было, не пекутся должным образом с вашего пробуждения до вашего отхода ко сну; часто вас так изнуряют, что нет человека, достаточно крепкого умом и телом, чтобы не быть этим встревоженным. Что касается советов, кои вы часто держите, на них обсуждают то, что должно причинить вам ущерб, и под покровом и притворным видом блага часто без оснований требуют то, что принадлежит вам. Когда вы отказываетесь дать то, что просят, есть такие, кто воспринимает ваш ответ весьма странно, и даже люди вашего совета похищают ваши драгоценности и вашу посуду. Часто также они отдаются в залог по весьма ничтожным поводам, столь малым стало имя короля. В то же время ваши верные служители не имеют от вас ни благоденствий, ни даже аудиенции, разве что с великой опасностью; они не осмеливаются говорить с вами так, как хотели бы и как это было бы весьма необходимо для вашей чести, для вашего блага, для состояния вашей особы и вашей благородной семьи.

«Второй пункт относится к вашему правосудию, коим в прошлые времена ваше королевство славилось превыше всех прочих; оно есть главное основание вашей сеньории; тогда все должностные лица, особенно самые благородные, назначались по великому и зрелому избранию, дабы блюсти ваши права и суверенитет и вершить правосудие малым, как и великим. Ныне же всё обстоит совершенно иначе; ибо обычно ваши должностные лица назначаются по просьбам и подношениям, адресованным не вам, а тем, кто помогает им получить их должность, и они владеют ими не для вас, а против вас, отчего ваши права и доходы много уменьшены.

«Третий пункт — это ваше домениальное владение, которое управляется столь плохо, что многие из ваших замков, домов и строений почти в руинах; ваши леса, реки, пруды, ярмарки и рынки, ренты и доходы весьма часто урезаны.

«Четвёртый пункт относится к церковным людям, кои многими способами обременены и угнетены как обложениями со стороны должностных лиц правосудия, так и постоем вооружённых людей, кои портят им все их припасы и кои, уходя, часто налагают на них выкуп. Им чинят столько, что едва многие из них имеют чем жить или совершать божественную службу. Кроме того, дворяне и благородные господа иногда призываются под предлогом, что вы собираетесь вести войну, и они не получают жалованья. Также часто, дабы исполнить свой долг перед вами, дабы снарядиться и вооружиться, они продают своё движимое имущество и свои земли за бесценок. Ибо они не могут извлечь от своих людей или своих рент достаточно, чтобы покрыть великие расходы, кои на них возлагают. Что до вашего народа, совершенно ясно и очевидно, что он идёт к своей гибели. Добрые люди удручаемы и разоряемы бальи и прево, особенно откупщиками талий, и некими вооружёнными людьми, коих держали и коих держат ещё без причины за счёт народа. Вот что заставляет опасаться, как бы Бог не прогневался за это, если вы не примете мер.

«Все эти вещи делаются под покровом войны, которую вы ведёте против ваших врагов, к коей, однако, не применяют никакого достаточного средства, несмотря на столько зол, кои они причинили вашему королевству и его союзникам во времена ваших предшественников, короля Филиппа и короля Иоанна. С тех пор они злодейски взяли в плен и изгнали из своего королевства короля Ричарда Английского, вашего сына по союзу; они долго удерживали против вашей воли госпожу королеву Английскую, вашу дочь, и до сих пор удерживают часть её имущества, сколько бы на это ни жаловались. Недавно они также убивали и грабили на море, вдоль берегов вашего королевства, многих ваших подданных и союзников и разорили многих богатых людей, купцов или иных. Они опустошили многие земли вашего королевства, предали огню многие места, в Пикардии, во Фландрии, в Бретани и в Гиени, и причинили великие и невозполнимые убытки.

«По этим причинам и многим другим вам надлежит, наш всемилостивейший государь, не начинать войну, а затем бросать её, как то делают, но вести её решительно и поддерживать. Если вы промедлите долее с её ведением, вы потерпите ещё больший ущерб, и это может быть вменено в весьма великую вину вашему совету, ибо в настоящий момент ваши враги разделены между собой и имеют великие дела с валлийцами, шотландцами и другими; если бы случилось, что они пришли к согласию или заключили мир или перемирие со своими врагами, они могли бы причинить гораздо больше зла вашему королевству.

«И кажется вполне, что вы имеете или должны иметь средства вести эту войну; ибо у вас есть весьма красивое домениальное владение, которое стоит достаточно и с избытком; у

вас есть субсидии [aides], установленные для ведения войны, и они приносят весьма большой доход; две большие тальи были недавно собраны в вашем королевстве, кои должны были служить для вашей войны, а не для чего иного. Были также произведены крупные займы, из коих, говорят, весьма мало было употреблено на войну; остаток должен был бы по меньшей мере быть направлен на неё, а не брать путь в чужие страны.

«Весьма опасаться надлежит, что из этого произойдут великие беды, учитывая ропот, который стоит среди церковных людей, дворян и других вашего королевства; могло бы последовать великое волнение, которое было бы весьма опасно, и более чем когда-либо. Да сохранит нас от этого Бог, хотя это причиняет великую боль сердцу каждого верного подданного вашего королевства видеть столь крупные финансы, приносящие столь мало действия и пользы. Вот почему мы, кто, как было сказано, имеет столько обязательств перед вами, вашим королевством и вашей благородной семьёй, не можем более с честью скрывать от вас вещи, столь вам противные, как то может ясно явствовать, и кои могли бы стать ещё более таковыми, если бы не было вскоре приложено средство; иначе мы навлекли бы на себя негодование Бога, вас, госпожи королевы, вашей благородной семьи и всех благоразумных людей вашего королевства.

«И мы не желаем при этом оскорблять, унижать, вредить, преследовать кого бы то ни было, мы не просим иметь какую-либо власть в управлении, мы желаем лишь верноподданно исполнить наш долг перед вами, и мы смиренно умоляем вас, дабы вы соблаговолили вскоре устранить упомянутые неудобства, и дабы вам было угодно доставить пред ваше лицо людей хорошо избранных и неподозрительных, кои советовали бы вам законно, дабы затем хорошо и быстро исполнить совет, коий они вам дадут. И для сего мы предлагаем вам наши тела, наши достояния и наших друзей, а также тех, кто пожелает верно служить вам.

«Мы не могли бы ни видеть, ни терпеть, чтобы таковые неудобства и убытки продолжали причиняться вам, вашей благородной семье и вашему королевству, и наше намерение — не отступать, пока не будет этому оказано содействие».

После этого чтения герцог Бургундский взял слово и добавил, что если он пришёл в Париж в сопровождении стольких вооружённых людей, то это с согласия короля: что нужно охранять его от врагов, коих он имеет в королевстве: что нечего опасаться его вооружённых людей: что, напротив, они обеспечат безопасность города Парижа. Впрочем, он ничего не сделал, сказал он, иначе как по воле герцога Аквитанского и других принцев. На это герцог Аквитанский поднялся и сказал, что если герцог Бургундский привёз его обратно в Париж, то это действительно с его согласия и по его свободной воле.

Затем выступил сир де Сен-Жорж из славного дома Вьенн, большой друг герцога Жана. Испросив аудиенции у дофина: «Всепревосходнейший принц, — сказал он, — я узнал, что некоторые обвиняют меня в преступлении за то, что я оказал помощь и совет монсеньору Герцогу в этом предприятии; но я громогласно утверждаю, с надлежащим уважением к вам и присутствующим, что я сохранил свою верность и нет на мне преступления. Если кто-либо желает утверждать противное, я подтверждаю это своим телом против его тела». Сказав это, он бросил перчатку к ногам герцога Гиеньского; никто её не поднял. Сир де Шалон и многие другие бургундские рыцари собирались сделать то же самое; Канцлер призвал их к молчанию, сказав им, что не об этом речь.

В это время герцог Орлеанский находился в Мелене, исполненный великого гнева; он говорил во всеуслышание, что умер бы тысячу раз, нежели стерпел бы оскорбление, нанесённое королеве и ему. Он тотчас написал в Парламент, называя покушением на королевское величество действие герцога Бургундского. Он рекомендовал превыше всего не допускать в город чужеземных вооружённых людей [18].

Магистраты и мудрые горожане города Парижа пребывали в великой тревоге. Они видели, что обе партии собираются прибегнуть к оружию, опустошить страну и сделать народ ещё более несчастным. «Да промыслит Бог о том, что произойдёт, — говорили они, — ибо на Него надлежит возлагать надежду и упование, а не на принцев и сынов человеческих, от коих не должно ожидать спасения [19]».

Всё, что они видели, усиливало всеобщий ужас. Герцог Орлеанский призывал именем короля вооружённых людей со всех сторон, в то время как подкрепления, коих ожидал герцог Бургундский, начинали прибывать. Герцог Лимбургский проследовал через город во главе восьмисот вооружённых людей и разместил их в гостиницах вокруг Лувра. Жан Баварский, епископ Льежский, шурин герцога Бургундского, прибыл с шестью тысячами человек и также вошёл в Париж. Две тысячи бойцов, прибывших из Графства и герцогства Бургундского, сперва разграбили Ланьи, затем расположились между Парижем и Понтуазом. Люди герцога Австрийского, графа Вюртембергского, графа Савойского, принца Оранского находились в Провене и в Бри. У моста Сен-Максанс расположились люди Фландрии, Эно, Брабанта, Голландии и Зеландии. Именно они причиняли наибольший ущерб. В то же время герцог Беррийский укреплял свой отель Нель в Париже и окружал его деревянной оградой. Герцог Бургундский велел поставить ворота на улицах, которые примыкали либо к Лувру, либо к его отелю Артуа; по его приказу также сооружались деревянные укрытия для размещения арбалетчиков. Каждую ночь стража составляла пятьсот человек.

Горожане, всё более испуганные, отправили депутацию к герцогу Беррийскому, чтобы узнать, что им надлежит делать. Был проведён совет, и было решено, что герцог Беррийский будет уполномочен охранять герцога Гиенского и город. Он тотчас велел закрыть все ворота города, кроме ворот Сен-Жак и Сент-Оноре. Он разместил отборную стражу из рыцарей вокруг дофина; ключи от Бастилии были потребованы обратно у сира де Монтегю, и сир де Сен-Жорж получил над ней командование; наконец, горожанам было позволено снабдиться достаточным оружием и иметь цепи для защиты своих улиц. Это было великой радостью для простого народа, который уже был весьма благосклонен к герцогу Бургундскому; знали, что он всегда противился тальям; были известны прекрасные увещевания, кои он только что произнёс и коих он распространил повсюду копии; говорили, что он пришёл, дабы помешать королеве увезти дофина в Германию; он изо дня в день восстанавливал привилегии города. Менее чем за восемь дней было выковано и установлено на улицах более шестисот цепей.

Однако каждый не менее того опасался войны. Хотя герцог Орлеанский не имел сторонников в Париже и все принцы были согласны с герцогом Бургундским, не было никого, кто не желал бы примирения. Даже сам король имел несколько мгновений рассудка и запретил прибегать к оружию. Были совершены публичные молитвы о получении сего благодеяния от божественной благодати; герцог Бурбонский был отправлен в Мелен, дабы склонить герцога Орлеанского прекратить свои вооружения и позволить королеве вернуться; он нашёл его непреклонным. На следующий день он снова отправился туда с сиром де Монтегю и графом де Танкарвилем и был принят ещё хуже. Собирались уже прекратить всякие попытки соглашения; благоразумные люди добились, чтобы король Сицилийский попытался ещё привести

герцога Орлеанского к благоразумию. Поскольку он был принят лучше, университет счёл, что его могут выслушать, и отправил депутатов. Королева отказалась их принять; но герцог Орлеанский, который никогда не затруднялся беседовать с учёными и красноречивыми людьми, хорошо их выслушав, насмеялся над всеми их доводами, привёл им множество красивых цитат и говорил с ними с удивительной лёгкостью; он спросил их наконец, в какие дела они вмешиваются. «Вы не призывали бы солдат в ваши собрания, — сказал им он, — дабы помочь вам разрешить пункт доктрины, и здесь, в военных делах, в вас нет нужды. Возвращайтесь в ваши школы, оставайтесь в вашем ремесле и знайте, что хотя университет и называют дочерью короля, не ему вмешиваться в управление королевством». Король Сицилийский, не в силах ничего сделать, написал герцогу Беррийскому, дабы тот пришёл к нему на помощь. Итак, он отправился в Мелен около 15 сентября и говорил с герцогом Орлеанским с авторитетом, который давали ему его возраст и его ранг в королевстве. Он сказал ему, что герцог Бургундский, возвращая дофина, не сделал ничего, кроме разумного и сообразного с мнением всех принцев; затем он порицал не только мотивы, но и безрассудство его предприятия, указывая ему на малое количество сил, коими он располагал; наконец, он не побоялся заверить его, что если он будет упорствовать, все принцы будут вынуждены видеть в нём лишь общественного врага. На всё это герцог Орлеанский отвечал: «Тот, у кого доброе право, хорошо его защищает [20]».

Тогда каждый приготовился сражаться; с обеих сторон жили в великом недоверии и постоянно опасались быть преданными. Королева особенно выказала ярость против почти всего своего дома, с бранью прогнала благородных дам и девиц, кои до того были в её милости; она велела заключить в тюрьму сира де Варенна, своего оруженосца. Вся эта вспышка заставляла говорить о ней ещё хуже.

Тем временем в Париже говорили, что герцог Орлеанский разграбил сокровища короля во дворце Мелена и что он пользуется ими, чтобы заводить тайные сношения в Париже. Капитан ворот Сен-Мартен был заподозрен, посажен в тюрьму, а ворота были замурованы. Однажды ночью попытались взломать отель герцога Беррийского, что распространило великую тревогу. Река была перекрыта цепями; горожане заделали все отдушины погребов, опасаясь пожара. Среди стольких военных людей, безусловно, был повод страшиться; однако герцог Бургундский содержал в большом порядке и строгом повиновении всех вооружённых людей, коих он ввёл в город; он исправно им платил, и припасы не иссякали. В сельской местности дело обстояло иначе, и там совершались великие бесчинства. Авантюристы, коих король Сицилийский ранее собрал для экспедиции в Италию и коих он присоединил к партии принцев, разоряли и грабили больше всех прочих. Лотарингцы из партии Орлеана были, возможно, ещё более жестоки. Крестьяне бежали в укреплённые города, бросая на милость военных людей свои полные амбары и готовые к сбору виноградники [21].

Герцог Орлеанский, собрав силы, которые привели ему герцог Лотарингский, маркиз дю Пон, граф Клермонский, граф д'Арманьяк, сир де Бомануар, сир де Шательро и некоторые другие сеньоры, двинулся вперёд, перешёл Сену и овладел Шарантоном. Тогда герцог Бургундский выстроил своё войско со стороны Аржантёя и Монфокона. Всё, казалось, предвещало битву; знамёна развевались повсюду. Герцог Орлеанский велел изобразить на своих знамёнах сучковатую палку с девизом: «Je l'envie». Что на языке того времени означало: «Я бросаю вызов». Бургундские знамёна изображали рубанок, дабы убрать сучки с палки; девизом было: «Je le tiens» [22].

Однако герцог Орлеанский не атаковал. Канцлер, парламент, магистраты отправились к королю Сицилийскому в его отель Анжу и заклинали принцев предпринять последнее усилие,

дабы предотвратить войну. Все они желали её предотвратить. Герцог Орлеанский, чьи войска начинали испытывать недостаток в припасах, выказал себя менее суровым. Совет короля предложил, чтобы войска были распущены с обеих сторон, за исключением пятисот человек, коих сохранил бы каждый принц, и чтобы положились на волю короля, когда он вернётся к здоровью. На сей раз это герцог Бургундский отказался от таких условий. Он сказал, что его вооружённым людям пришлось прибыть издалека, и герцог Орлеанский успеет вернуть своих, прежде чем он сможет собрать новую армию. Посчитали, что мир дальше, чем когда-либо.

Герцог Бургундский собрал главных горожан Парижа и говорил с ними так: «Вы знаете, мои дражайшие друзья, что я пришёл не из такой дали ради моих интересов и что я был приведён сюда интересом народа, удручённого столькими невыносимыми поборами. По-видимому, вам готовили ещё более тяжкие. Собирались удвоить налог на товары, установить талью по стольку с очага и другие ежегодные тальи. Если бы я не пришёл лично и если бы я решительно этому не воспротивился, вы бы, таким образом, окончательно потеряли то, что осталось у вас из движимого имущества. Но герцог Орлеанский упорствует в тех же намерениях, и вы не избавились от этого, ни государство не в безопасности; ибо среди вас есть многие, кто ему благоволит. Единственное средство было бы быть всем хорошо объединёнными; если вы хотите взяться за оружие под моим предводительством, я даю вам моё рыцарское слово, что вскоре я верну королевство в его прежнее спокойствие и что вы будете более мирно, чем когда-либо, наслаждаться полным владением вашим имуществом [23]».

Горожане поблагодарили его за его добрые намерения; они предложили ему помочь своими деньгами и всем своим достоянием. Но что касается взятия оружия, так как они опасались, что герцог Орлеанский, возобладав в свою очередь, жестоко отомстит, они ответили, что последуют только за самим королём или его сыном. Герцог выказал себя весьма довольным этим ответом; он обещал им, что герцог Гиеньский вооружится и будет прогуливаться по городу, и всем командовать. На этом основании были сделаны некоторые приготовления для защиты улиц; по ту сторону мостов даже несколько школяров взяли за оружие.

Наконец, усилиями увещаний и мольбы, и особенно из-за нужды, в которой всё более оказывались войска за городом, герцог Орлеанский и королева согласились на переговоры. Королева отправилась в путь, дабы прибыть в Венсенский лес. Недоверие было столь велико, что, когда герцог Бургундский выехал ей навстречу с многочисленной свитой, она повернула назад и возвратилась в Корбей. Это было ещё одной отсрочкой и ещё несколькими днями страданий для несчастных жителей сельской местности. Наконец, она расположилась в Венсенне, герцог Орлеанский — в замке Боте; и после восьми дней переговоров, 17 октября 1405 года, мир был заключён. Герцог Орлеанский принёс клятву положиться на решение совета короля и согласился, чтобы было оказано правосудие по увещаниям, представленным герцогом Бургундским. Вооружённые люди были тотчас распущены, а бургундской армии было хорошо уплачено посредством займов, кои Герцог сделал у богатых купцов Парижа и в городах своего герцогства.

Когда город освободился от чужеземцев, королева совершила свой въезд в него. Она была со своими детьми в подвесной повозке, обитой золотой парчой; дамы следовали в носилках. Герцоги Бургундский и Орлеанский были верхом со всеми принцами; они давали друг другу публичные свидетельства дружбы. Вечером они обнялись у герцога Беррийского, и их дядя в знак величайшего примирения уложил их в одну постель [24].

Тогда принялись, по общему согласию, работать над некоторыми реформами и готовить прекрасные ордонансы, коим не суждено было долго длиться [25]. Видя принцев в столь благостном расположении, университет пришёл держать к ним речь. Оратором был знаменитый магистр Жан Жерсон, кюре Сен-Жан и канцлер Нотр-Дам, прозванный евангелическим доктором, и которому приписывают «Подражание Иисусу Христу»; он взял текстом: *Vivat rex*, и произнёс превосходную речь об управлении государством и добродетелях, коих оно требует. Если бы захотели слушать столь добрые наставления, дела не шли бы столь плохо. «Но сколько ни проповедай, — говорили, — сеньоры и те, кто их окружает, не придают этому значения и думают лишь о своей собственной выгоде [26]».

Эти святые увещания, однако, не были совсем бесполезны; сперва занялись королём и устыдились постыдного запустения, в котором он был оставлен; ему давали есть, как животному, позволяя ему жадно набрасываться на пищу. Уже пять месяцев пренебрегали менять его одежды; он был изъеден паразитами и гниением. Во время одного из своих припадков он вонзил себе в тело кусок железа, который не был извлечён и который произвёл гноящуюся язву. Дабы придать ему послушания и преодолеть его маниакальное сопротивление, двенадцать человек надели маски и позаботились хорошо облачиться в доспехи. Он испугался их ужасающих лиц и позволил спокойно с собой обращаться. Его вымыли, остригли бороду, надели на него новые одежды и стали больше заботиться о нём. Это пошло на пользу бедному принцу, который стал спокойнее; у него бывали хорошие промежутки, и он узнавал некоторых людей: посещение магистра Жювенала, бывшего прево Парижа, казалось, особенно доставляло ему удовольствие; он говорил ему, сам не зная почему: «Жювеналь, не будем терять нашего времени». Ему дали председательствовать на некоторых советах, где речь шла об уменьшении расходов и облегчении участи народа. Пенсии камергеров и многих других были урезаны наполовину. Так же поступили с жалованьем всех королевских должностных лиц. Количество сборщиков финансов было значительно сокращено; были также упразднены некоторые должности в парламенте.

Эти сбережения, оцениваемые обычно в шестьсот тысяч золотых экю, не были достаточны для восстановления финансов. Прекрасные проекты получения большого дохода, не обременяя никого, представлялись беспрестанно, и герцог Бургундский продолжал выступать в советах как защитник народа [27]. В то же время он извлекал из своих провинций столько денег, сколько мог, и он весьма нуждался в них из-за огромных расходов, которые только что понёс. Штаты герцогства Бургундского согласовали ему добровольный дар в тридцать шесть тысяч ливров. Подобно своему отцу, он разумно управлял своими владениями, поддерживал в них добрый порядок и не был ненавидим своими подданными. Лишь после довольно долгого сопротивления и по неоднократным советам своего совета он принял средство, ещё новое в Бургундии, для добывания денег. Он объединил в своём домене все должности нотариусов, судебных приставов, секретарей суда и всякого рода публичных должностных лиц; затем отдал их на откуп, равно как и поступления от всех канцлерских, судебных и экспедиционных пошлин [28].

Советам короля ещё надлежало заниматься схизмой Церкви, которая затягивалась, и нельзя было предвидеть ей конца, несмотря на великие обещания, кои папа Бенедикт дал герцогу Орлеанскому. Он сначала отправил двух послов к своему конкуренту, папе Бонифацию Римскому, дабы склонить его к встрече, и пышно приготовился к этому торжественному путешествию, в коем он желал быть сопровождаемым принцем Франции. Король Сицилийский взял на себя это поручение. В это время сей папа Бонифаций умер, и послы вернулись, говоря, что до этой кончины, наступившей почти внезапно, он принял их весьма дурно: что кардиналы

сего антипапы выказали им ещё больше упорства и враждебности и что римская чернь едва не разорвала их на части.

Бенедикт XIII тем не менее не отступался от своего проекта путешествия в Рим; так как у него не хватало денег, он обложил десятиной [décime] духовенство Франции; университет протестовал, как обычно; он был принят принцами довольно плохо, и тогда пронёсся слух, что они имели долю в этой десятине.

Вскоре после того университет получил буллу от нового папы Римского Иннокентия VII; он выказывал расположения, вполне мирные, весьма отличные от тех, кои послы Бенедикта приписали римскому папскому двору, и рассказывал об их пребывании и их действиях с обстоятельствами, мало почётными для них. Это предложение дало повод к переписке между герцогом Беррийским и сим папой, где с обеих сторон, казалось, было искреннее желание положить конец схизме.

Дела обстоиали таким образом во время ссор принцев. После их примирения, когда они обсуждали дела королевства, университет попросил окончательного освобождения от десятины; не получив ответа, он приостановил своё преподавание и проповеди. Герцог Орлеанский хотел склонить его возобновить их, но помнили его резкий ответ; ему было сказано, что нет оснований доверять обещаниям, кои он даёт, более, чем тем, кои он уже давал, не сдержав их. Несколько дней спустя, когда король почувствовал себя лучше, университет предстал перед ним и добился того, чего желал. Единство Церкви было тем, что более всего интересовало этого несчастного короля, когда он был в сознании.

Принцы, напротив, были взволнованы этим менее, чем в прошлом; сам герцог Орлеанский, весьма сведущий в делах религии, был тогда слишком занят управлением государством, чтобы принимать то же участие в делах Церкви. Дальнейшее было предоставлено парламенту и университету, кои продолжали энергично защищать свободы Галликанской церкви, власть короля и привилегии духовенства [29].

Согласие между принцами было, как можно полагать, лишь кажущимся, и каждый из них старался добиться себе большей доли в управлении. Герцог Орлеанский, который, когда желал сдерживаться, имел дар нравиться и убеждать, привлёк на свою сторону герцога Беррийского и сделал почти весь совет благосклонным к себе. Разделение едва не разразилось снова в декабре. Герцог Бургундский держал у себя советы, на которые приходил коннетабль с другими сеньорами и советниками. В то же время другие советы держались у герцога Орлеанского, и даже один из них состоялся 4 декабря, где, в отсутствие герцога Бургундского, всё, что касалось финансов, было урегулировано. Тот оскорбился этим, и когда другие принцы велели сказать ему, что ждут его к обеду, он отказался прийти. На следующий день коннетабль велел сообщить герцогу Бургундскому, который его ожидал, что ему запрещено являться к нему. Тогда Герцог разразился гневом, и его слова были столь резки, что герцоги Орлеанский и Беррийский велели сильно охранять свой отель. Когда отправлялись, каждый со своей стороны, на совет к королеве, туда прибывали хорошо вооружёнными, а некоторые даже в латах под одеждой [30].

Наконец, 27 января 1406 года появился акт короля, гласящий: «Когда наше отсутствие или некие иные занятия препятствуют нам должным образом уделять время и внимание его делам и нуждам, нашего королевства и общественного блага, вполне признавая великую верность, смысл и благоразумие нашего дражайшего и возлюбленного кузена герцога Бургундского, и принимая во внимание добрую и истинную любовь, кою он питает к нам, и благое

желание, кое он несёт к делам и нуждам нашим и королевства, мы решили, повелели и повелеваем, чтобы наш названный кузен был поставлен на место и должность покойного нашего дяди, его отца, в полномочиях, данных нашей дражайшей и возлюбленной супруге, королеве, нашим дражайшим и возлюбленным дядям и братьям герцогам Беррийскому, Бургундскому, Орлеанскому и Бурбонскому, нашему канцлеру и прочим нашего совета, дабы уделять время и внимание великим делам нашим и нашего королевства, когда мы тому воспрепятствованы».

Другие письма короля также всецело и полностью замещали герцога Жана Бургундского его отцу в охране, опеке и управлении дофином и детьми короля, в случае, если он оставит их несовершеннолетними. Под этим титулом он должен был заседать в совете, образованном королевой и герцогами Беррийским, Бурбонским и Баварским.

Когда это соглашение было завершено, принцы, казалось, по общему согласию занялись управлением королевства. Во время их раздоров война с англичанами велась с большей честью и успехом, чем в предыдущем году. Коннетабль и граф д'Арманьяк продолжали вытеснять англичан из более чем шестидесяти крепостей или замков, откуда гарнизоны имели обыкновение распространяться по стране и опустошать её. Сеньоры Сентонжа, без какой-либо иной помощи, взяли важный город Мортань-сюр-Мер.

Сир де Савуази в то же время снарядил несколько французских и испанских кораблей, прошёлся вдоль английского побережья, разграбил острова Портленд и Уайт и благополучно привёл свою экспедицию обратно в Арфлёр.

Маршал де Рьё и сир де Югвиль, великий магистр арбалетчиков, дабы загладить оскорбление графа де Ла-Марш, были отправлены на помощь восставшим валлийцам. Они благополучно высадились и после нескольких славных ратных дел, оказавшись в стране бедной и плохо снабжённой припасами, вернулись, не потеряв кораблей.

Все эти предприятия совершались без того, чтобы война еще была объявлена; почти непрестанно велись мирные переговоры, и обе стороны обещали друг другу продление перемирий. Около начала этого 1406 года Англия сильно страдала от нехватки зерна. Граф Пембрук, губернатор Кале, прибыл в Париж, чтобы снова предложить брак мадам Изабеллы с сыном короля Генриха, но гораздо более для того, чтобы испросить разрешение на закупку зерна во Франции. Это дело было поставлено на большое обсуждение в королевском совете. С помощью настояний он добился от герцогов Беррийского и Орлеанского того, что просил; но когда он принес герцогу Бургундскому письма, которые только что были ему пожалованы и которые эти принцы уже скрепили своими печатями, герцог, вместо того чтобы приложить свою, вырвал письма у него из рук, бросил их в огонь и приказал ему немедленно покинуть королевство. Это не значило, что во Франции не хватало зерна, ибо герцог Бургундский незадолго до того позволил своим подданным из Графства и Герцогства [Бургундских] продавать свое зерно в Германии, что было для них весьма прибыльно [31].

Итак, было решено вести войну с большей энергией, отправить подкрепления в Гиень и всё подготовить в Пикардии, чтобы принудить англичан запереться в Кале, дабы затем осадить их там. Герцог Бургундский взял на себя более специальное руководство тем, что будет делаться с его стороны, и был назначен лейтенантом и генерал-капитаном Пикардии и Западной Фландрии. Новый инцидент заставил разделить силы между тремя экспедициями.

Жители Меца, дабы отразить набеги графов Сальмского и Саарбрюккенского, разоривших их территорию, прибегли к помощи герцога Лотарингского. Чтобы отомстить за них, он, в

свою очередь, пошел предавать огню и мечу владения своих противников. Немцы вели войну еще более жестоко, чем другие нации, и с обеих сторон были совершены великие жестокости. Лотарингцы также вторглись в герцогство Бар; встретив некоторое сопротивление у крепости, которую король Франции держал под своей охраной как спорный объект, они оскорбительно убили его офицера. Принцы оскорбились этим нарушением договоров и этим оскорблением; они обещали помощь маркизу де Пон, сыну герцога Барского. Казалось, что такое дело должно было уладиться легко; но герцог Орлеанский, имевший зуб против жителей Меца, добился отправки туда сильной армии. Она была отдана под командование сира де Монтегю и другого его фаворита, чье стремительное возвышение было тогда предметом великого скандала. Это был Пьер Клинье де Брабант, храбрый человек, это правда, но весьма мелкий рыцарь и чье имя было новым [32]. Он только что был облечен должностью адмирала Франции, которую он купил у сира Реньо де Три и которую до него занимали только крупные сеньоры. Также насмеялись над тем, что он сменил капитана, проявившего себя искусным на море, тогда как он сам не сумел бы повернуть корабль. Толки по этому поводу были столь публичны, что в тот момент, когда он собирался подняться на корабли, стоявшие в Арфлёре для некоего предприятия, он получил приказ вернуться и встать во главе экспедиции против Меца. В то же время герцог Орлеанский, дабы увенчать его высокую фортуна и ропот, который она вызывала, женил его на вдове графа Блуаского; граф Намюрский, ее брат, пришел в такую ярость, что велел отрубить голову одному из своих незаконнорожденных братьев за то, что тот устроил этот брак [33].

Армия, отправившаяся в Лотарингию, не смогла там найти пропитания. Герцог Лотарингский поспешил удовлетворить короля. Так что герцог Орлеанский навлек на себя еще и упрек в том, что бесполезно ослабил средства для борьбы с англичанами.

Герцог Бургундский уже в мае месяце отправил во Фландрию вооруженный отряд под командованием сира де Сен-Жоржа, при котором находились сир де Серволь, сир де Шуазель, сир де Дивонн и несколько главных сеньоров Бургундии. Они были недостаточно сильны, чтобы предпринять крупные операции, но они храбро защищали границу и с удивительной стойкостью выдержали осаду совершенно разрушенной крепости Леленген. Никакая неудача не помешала их действиям, кроме того, что сир де Серволь и де Шуазель попали в засаду и были взяты в плен, несмотря на чудеса доблести.

В Гиени и Лимузене совершались более крупные дела, потому что там было больше средств. Сир Гийом Ле Бутелье, один из самых прославленных рыцарей Франции, привел туда значительное подкрепление. Граф Клермонский и граф Алансонский последовали за ним вскоре. Кроме того, коннетабль, находясь в провинциях, где он пользовался большим влиянием, возбуждал рвение местных сеньоров и побуждал их присоединиться к нему. Крепость Брантом была вынуждена сдаться; замок Шалю в Лимузене и несколько других также были взяты французами. Было объявлено, что английская армия должна прийти в Гиень. Она не прибывала. Уныние врагов, казалось, было благоприятным случаем; можно было бы им воспользоваться. Но нужно было ждать приказов принцев. Герцог Орлеанский не прибывал, и даже видели, как графы Клермонский и Алансонский покинули армию, оставив ее под командованием коннетабля и сира Ле Бутелье. С каждым днем усиливался ропот против принцев, которые так забывались в празднествах и удовольствиях двора. Чтобы пристыдить такое поведение, сто шестьдесят оруженосцев под предводительством пикардийского рыцаря выступили в поход, прошли всю страну и в конце концов овладели без иной помощи крепостью Мюссидан [34].

Именно празднества удерживали принцев вдали от армий. После их примирения были заключены крупные браки, которые пышно отпраздновали. Самый важный из всех был брак мадам Изабеллы Французской, вдовы короля Англии, с ее кузеном Шарлем, графом Ангулемским, старшим сыном герцога Орлеанского. Она была старше его, который был еще ребенком; она теряла свой титул королевы, посему много плакала. Это в Компьене были устроены празднества по случаю этой свадьбы; она была отпразднована одновременно со свадьбой Жана, герцога Туренского, второго сына короля, с Жаклин Баварской, дочерью графа Остреванта. Все принцы соревновались в великолепии. Герцог Бургундский явил пышность, подобную той, что всегда выказывал его отец; подарки, которые он сделал, были не менее блистательны. Девизы: «Я жажду этого и я держу это», сучковатая палка и рубанок играли большую роль в вышивках, на знаменах, во всевозможных украшениях. Оба герцога сделали из них орденские ожерелья, которые раздали своим слугам и фаворитам. Они обменялись ими взаимно, поклялись друг другу в братстве по оружию и рыцарстве; затем каждый появлялся с девизом, который был взят против него самого, — до такой степени в тот момент они, казалось, забыли свои раздоры [35].

В то же время герцог Бургундский также выдал замуж своих двух дочерей, Марию Бургундскую за Адольфа, графа Клевского и Ламаркского, и Изабеллу за графа Пентьеврского, сына графа Блуаского и внука сира Оливье де Клиссона. Эти бракосочетания отпраздновали в Аррасе. Столько празднеств, и столь блистательных, не обошлись без больших расходов; фландрские города сделали значительный дар; Штаты Бургундии уже предоставили новую субсидию для оплаты людей оружия, которыми командовал сир де Сен-Жорж.

Принцы, наконец чувствительные к жалобам, которые вызывала их праздность, решили отправиться и встать во главе армий. Были сделаны новые приготовления, чтобы сделать предприятие достойным их; новая подать была единогласно установлена, и они поспешили покинуть Париж, чтобы избежать народного ропота [36].

Герцог Орлеанский отправился в Гиень. Сезон был уже поздний; благоразумные люди, имевшие опыт войны, указывали, что время выбрано плохо; молодые люди и придворные представляли успех легким и льстили природному легкомыслию принца. Перед отъездом он весьма набожно отправился умолять о божественном благоволении и попросил позволения приложиться к драгоценной реликвии — главе святого Дениса, хранившейся в этом монастыре. Ее извлекли почти целиком из золотой митры, в которую она была заключена. Монахи были не прочь дать таким образом доказательство, что именно они владеют главой святого Дениса, а не каноники Нотр-Дам, как те хвастались. Капитул Парижа тем не менее не отказался от своих притязаний и устроил торжественную процессию, дабы пронести свою реликвию. Спор разгорелся; обе стороны уже готовились произнести проповеди в подтверждение истинности каждой реликвии; королевский совет запретил далее говорить об этом [37].

Герцог Орлеанский, прибыв в Гиень, не внял лучшим советам; он продолжал пренебрегать предупреждениями старых и мудрых рыцарей, знавших войну и страну, где она велась. После бесполезной демонстрации перед Блайей было решено атаковать крепость Бур, расположенную при слиянии Гаронны и Дордони. Крепость защищали с доблестью и искусством; осада затянулась. Уже наступил январь; дожди сгноили палатки; люди вязли в грязи по колено; провизии не хватало. Конвой, который адмирал Клинье де Брабант отправился искать в Ла-Рошель, после того как храбро выдержал бой с английскими кораблями, не смог, однако, выгрузить провизию, которой был нагружен. Болезни начали свирепствовать в лагере; люди оружия не получали жалованья. В то же время герцог Орлеанский проигрывал в игру деньги, предназначенные для них, и старался развлекаться как мог. Наконец, всё шло настолько плохо,

что самые живые представления, самые серьезные упреки были открыто высказаны герцогу. Люди оружия расходились по домам; после более чем трех месяцев пришлось снять осаду, и герцог Орлеанский покинул армию, обремененный презрением всех военных людей. Честь королевства во время этой кампании была поддержана лишь несколькими рыцарями, которые, встав под начало сира Робера де Шалю, отправились осаждать грозную крепость Лурд и овладели ею [38].

Экспедиция герцога Бургундского имела не намного лучший успех. Король новыми грамотами от 21 сентября, возобновляя полномочия, данные ему в Пикардии и Западной Фландрии, специально поручал ему обуздывать предприятия англичан, предписывал ему набрать число людей оружия, лучников, арбалетчиков, пикинеров и других людей, какое покажется ему необходимым для блага дела [39]. Меры были приняты для того, чтобы их плата могла производиться. Эмон Бакье, казначей войн, был обязан оплачивать их после проведения смотров. Комиссары, назначенные для хранения и управления вновь взыскиваемой помощью, должны были выдать достаточные средства этому казначею и, сверх того, шесть тысяч франков в месяц герцогу Бургундскому на его личные расходы.

После того как дела были так улажены, герцог начал огромные приготовления к осаде Кале с суши и с моря; он велел вырубить в лесах Сен-Омера деревянные бастии, как это сделал герцог Филипп четырьмя годами ранее. Он собрал до тысячи двухсот пушечных стволов, три тысячи крупных каменных ядер для их заряжания, огромное количество пороха, арбалетов и стрел; у него было сто девяносто пять лодок в море. Его армия состояла из трех тысяч восьмисот рыцарей или оруженосцев, тысячи восьмисот арбалетчиков, тысячи пикинеров и трех тысяч пятисот пионеров (землекопов).

После двух месяцев, проведенных в этих грозных приготовлениях, деньги кончились; герцог истощил свои собственные финансы, так что нельзя было ничего предпринять. Начались дожди; люди оружия требовали платы. Герцог отправил сира де Круа, сира де Шалон и некоторых из своих главных служителей жаловаться королевскому совету на то, что ничего из обещанного ему не выполняется. Их настояния были тщетны, и вскоре герцог Бургундский увидел себя вынужденным распустить свою армию; он вернулся в Париж и привел в оправдание крайнюю нужду, в которой его оставили, предпочтение, оказанное армии герцога Орлеанского, получившей почти весь доход от субсидии, поведение короля Сицилийского, завладевшего всеми суммами, собранными в его апанаже Анжу и Мэна; он добавил, что сам он обеспечивал расходы армии, пока мог; что он разорил свои леса деревьями, которые там вырубали, тогда как ему даже не думали возмещать сто девяносто тысяч франков, которые были должны его отцу [40].

Его оправдание показалось убедительным в королевском совете, и были приняты меры для его оплаты, уступив ему налог с диоцезов Амьена, Бове, Шалона и Труа; но он тем не менее не избежал порицания народа за столь неудачное предприятие. Ничего иного не видели, кроме того, что принцы совершали тысячи поборов и ничего не делали для защиты или чести королевства. Дворяне не менее роптали на столь плохое руководство. Враги Франции учились презирать ее, и повсеместно говорили, что французы больше не умеют воевать [41].

Поэтому герцог Бургундский был глубоко оскорблен тем, что его таким образом подвергли риску потерять свою славу; его ненависть к герцогу Орлеанскому усилилась, хотя еще и не прорвалась наружу.

Его влияние в королевском совете, однако, нисколько не уменьшилось; ему было поручено вести с англичанами переговоры о торговом договоре. Попытки, только что предпринятые, были столь неудачны, что теперь оказались менее расположены к войне. Король Англии, достаточно озабоченный смутами в своем королевстве и шотландцами, также желал лишь сохранения мира. Тем не менее не было заключено ничего, кроме торгового перемирия. Договорились, что, несмотря на войну, торговля будет свободной между Францией, Англией и Фландрией; особенно добрые города Фландрии выигрывали от этого договора.

Впрочем, беспорядок в делах королевства продолжал быть столь же велик, как и прежде. Принцы и сеньоры дошли до того, что не только перестали платить свои долги, но позволяли своим слугам брать силой у купцов; и это было не только для ежедневных расходов их дома, но и для создания запасов; они ходили даже на фермы, чтобы завладеть зерном в амбарах; некоторые даже запрещали под страхом штрафа продавать что-либо прежде, чем они сами запасется; они устанавливали цены, а затем даже не платили. Горе людям, желавшим сопротивляться или приходившим требовать уплаты долгов; если они говорили немного твердо или приходили часто, их выбрасывали за дверь отеля. Проклятия раздавались громко, и король в конце концов узнал также, что он не съедает куска хлеба, который не был бы приправлен проклятием бедняков; ибо его слуги поступали так же от его собственного имени, и это было необходимо; без этого ему бы всего недоставало. Дело дошло до того, что дофин, его собственный сын, однажды привел к нему офицеров своего дома, чтобы они объяснили, как у них больше нет достаточного кредита для обеспечения его ежедневного содержания. Призвали казначеев; они объявили, что могущественные лица нисколько не стесняются приходить рыться в кассах и завладевать королевскими деньгами [42].

Король попытался, по крайней мере, навести порядок в насилиях, совершаемых против его подданных. Ордонанс был обнародован и провозглашен во всех городах королевства, запрещающий брать что-либо у купцов без уплаты наличными. Что удивило более всего, так это то, что преамбула гласила, что этот ордонанс издан по ходатайству королевы и герцога Орлеанского. Именно против них главным образом он и мог быть направлен [43].

Возвращение обоих принцев в совет вскоре привело к развитию семян ненависти, которые они питали друг к другу. Герцог Орлеанский добился передачи ему правления Гиенью, которого он давно желал и которое увеличивало его могущество. Герцог Бургундский в это время был вынужден вернуться в свои владения во Фландрию. Герцогиня Брабантская умерла и оставила свое наследство герцогу Лимбургскому. Герцог Жан, его брат, должен был оказать ему помощь против герцога Гельдернского и льежцев, находившихся с ним в войне. Некоторые волнения, возникшие в Брюгге, также требовали его присутствия; наконец, третья причина призывала его, и эта последняя была новым поводом к вражде против герцога Орлеанского. Жан Баварский, его шурин, был епископом Льежским, но еще не принял священный сан; это был доблестный рыцарь, приверженный военному ремеслу и не имевший никакой склонности к церкви. Его народ, однако, желая иметь епископа, который служил бы мессу, понуждал его стать священником; он обещал им это и всё откладывал. Устав, наконец, быть без пастыря, они взбунтовались и избрали льежского каноника из одного из крупных домов страны, сира де Перве. Поскольку они подчинялись Римскому папе, они обратились к нему, чтобы их новый епископ был утвержден. Папа ответил, что он назначил графу Баварскому последний срок; так как этот срок еще не истек, нужно дождаться его окончания. Нетерпеливые льежцы обратились тогда к Авиньонскому папе, который, чтобы привлечь их на свою сторону и по наущению герцога Орлеанского, утвердил сира де Перве. Жан Баварский вооружился против него; герцог Бургундский открыто принял его сторону и призвал людей оружия из своих владений

выступить к нему на помощь; однако ничего решительного в этот сезон предпринято не было. Герцог ограничился тем, что ввел своего брата во владение Маастрихтом, который оспаривали у него льежцы, а затем вернулся в Париж.

Раздоры, царившие между принцами, с каждым днем становились все более угрожающими. Их придворные усердно старались разжечь их друг против друга; герцог Беррийский, королева, герцог Бурбонский, король Сицилийский постоянно вмешивались, чтобы примирить их; каждый день давались новые обещания согласия и дружбы, а затем возникали новые разногласия; наконец, около середины ноября, сочли, что их удалось привести к лучшим чувствам. Герцог Орлеанский был болен в своем замке Боте; его кузен отправился навестить его там и выказал ему все признаки братской дружбы. Когда герцог Орлеанский выздоровел, он приехал в Париж. Герцог Беррийский привел обоих своих племянников вместе слушать мессу к августинцам в воскресенье 20 ноября 1407 года. Дабы лучше засвидетельствовать их святое примирение, они причастились вместе; во вторник герцог Беррийский дал им большой обед, где они обнялись перед принцами, поклялись друг другу в дружбе и выпили за свое примирение; герцог Орлеанский даже пригласил герцога Бургундского на обед к себе в следующее воскресенье.

Королева совсем недавно разрешилась от бремени сыном, который не выжил. Она еще соблюдала постельный режим. Она жила в это время в небольшом отеле, который купила у сира де Монтегю, на Старой улице Тампля, близ ворот Барбет. Герцог Орлеанский навещал ее усердно и старался отвлечь ее от печали, которую причинили ей столь несчастные роды. В среду, 23 ноября, он ужинал у нее, и ужин прошел весело, когда камердинер короля по имени Скас де Курт-Ёз явился от имени короля: «Монсеньор, король приказывает вам незамедлительно явиться к нему. Он спешит поговорить с вами о деле, которое в высшей степени касается вас и его».

Немедля герцог велел подать своего мула. Хотя у него тогда было шестьсот вооруженных людей в Париже, в тот вечер его сопровождала, по сути, лишь свита из двух оруженосцев, сидевших на одной лошади, и четырех или пяти пеших слуг, несших факелы. Было поздно, около восьми часов вечера; ночь была темная, каждый убрался к себе, на улицах никого не было. Герцог был одет в простую дамасскую черную робу; он ехал по Старой улице Тампля, напевая и играя своей перчаткой. Когда он был примерно в ста шагах от отеля королевы, проезжая мимо отеля маршала де Рьё, восемнадцать или двадцать вооруженных людей, устроивших засаду перед домом под названием Образ Богоматери, внезапно выскочили; лошадь двух оруженосцев испугалась и унесла их далеко. Убийцы набросились на герцога Орлеанского с криками: «На смерть! На смерть! — Что это? Откуда это? — сказал он, — я герцог Орлеанский. — Это нам и нужно, — ответили они». Вскоре он был сброшен с мула. Он поднялся на колени; но все эти люди наносили ему удары, как только могли, большими ударами топоров, мечей и палиц. Молодой паж попытался защитить его и был тотчас сражен; другой был тяжело ранен и едва успел укрыться в соседней лавке на улице Розье. Жена бедного башмачника открыла свое высокое окно и, увидев это убийство, закричала: «Убивают! Убивают! — Замолчите, дурная женщина, — ответили ей с улицы». Другие стреляли стрелами в окна, откуда пытались смотреть. В одно мгновение всё было кончено. Высокий человек, одетый в красный шаперон, спускавшийся ему на глаза, громко сказал: «Гасите всё, и уходим; он мертв!» У дверей дома Нотр-Дам были приготовлены лошади; эти люди сели на них. Один из них нанес еще последний удар палицей распростертому телу герцога Орлеанского. Затем они умчались во весь опор, свернув на улицу Блан-Манто, и крича: «Пожар! Пожар!» Действительно, из дома Нотр-Дам

валил дым. Они бросали позади себя трибулы (железные шипы) и угрозами заставляли гасить свет в лавках.

Шум привлек к окнам людей, живших в отеле маршала де Рьё. Оруженосец герцога Орлеанского, племянник маршала, спустился на улицу в тот момент, когда преступление только что было совершено. Он нашел своего несчастного господина распростертым на мостовой, мертвым и совершенно изувеченным. Голова была рассечена двумя ужасными ранами; левая рука была отрублена; правая рука держалась лишь на лоскуте кожи. Молодой немецкий паж лежал там же, испуская последний вздох со словами: «Ах, мой господин!»

Тело было перенесено в отель де Рьё. Весть об этом убийстве тотчас распространилась по всему Парижу. Королева узнала о нем первой. Страх и отчаяние охватили ее; несмотря на свое состояние, она велела немедленно перевезти себя в отель Сен-Поль. Многие сеньоры вооружились и отправились образовать стражу при короле. Принцы тотчас же собрались все в отеле Анжу у короля Сицилийского вместе с главными сеньорами совета. Сир де Тиньонвиль, прево Парижа, вызванный коннетаблем, поспешил в отель де Рьё, чтобы засвидетельствовать преступление и начать расследования. Затем он отправился докладывать принцам о плачевных обстоятельствах, с которыми только что ознакомился. Ему был отдан приказ запереть городские ворота, следить, чтобы на улицах не было никаких беспорядков, и приступить к самым строгим розыскам.

На следующее утро тело было перенесено в соседнюю церковь Блан-Манто; лишь днем собрали на улице, среди грязи, изувеченную руку и мозг этого несчастного принца. Вся королевская семья, скорбящая и удрученная, пришла в эту церковь, чтобы отдать свои печальные почести герцогу Орлеанскому. Герцог Бургундский казался не менее опечаленным, чем другие. «Никогда, — говорил он, — более злое и более предательское убийство не было совершено, ни исполнено в сем королевстве».

В пятницу герцог Орлеанский был, как он давно распорядился, погребен с величайшей и самой печальной пышностью в церкви Селестинцев, в той великолепной капелле, которую он там велел построить. За похоронной процессией следовали все сеньоры и рыцари, бывшие в Париже, и бесчисленная толпа народа. Углы погребального покрывала несли король Сицилийский, герцог Беррийский, герцог Бургундский и герцог Бурбонский; они были одеты в траур, и их видели проливающими слезы.

Однако первые подозрения тотчас пали на человека, которого герцог Орлеанский тяжело оскорбил и который, как знали, затаил на это смертельную обиду. Это был Обер ле Фламенк, сеньор де Канни, бывший камергер герцога. Его господин соблазнил его жену, и рассказывали, что в бесстыдной насмешке он показал ее ему обнаженной, скрыв только лицо, и сделал его судьей красоты своей любовницы. Рассказ об этом стал публичным; муж оставил свою жену, любовником которой остался герцог Орлеанский. У него был от нее сын. Имя сира де Канни пришло на ум каждому, как только узнали о преступлении.

Вскоре выяснилось, что сир де Канни уже более года был далеко от Парижа. Вскоре сир де Тиньонвиль, прево Парижа, узнал, что водонос, который входил и выходил из дома Образа Богородицы, пока там скрывались убийцы, удалился в отель д'Артуа. Множество свидетелей также показали о пути, которым следовали убийцы. Они прошли по улицам Блан-Манто, Симон-ле-Фран, Мобюэ, Сен-Мартен, о-з-Ур. Прево не установил их прохождения по улице Монсёй. Он достаточно видел, где им было дано убежище. Он тотчас отправился в совет

принцев. Герцог Беррийский спросил его с самого начала, обнаружил ли он что-нибудь. «Я приложил к этому всё старание, — сказал прево, — но полагаю, если бы у меня было позволение войти во все отели слуг короля и даже принцев, я мог бы узнать авторов или сообщников». Король Сицилийский, герцог Беррийский, герцог Бурбонский тотчас ответили ему, что ему даются позволение и разрешение войти всюду, куда ему покажется нужным. Прево вышел; тогда герцог Бургундский начал бледнеть, менять лицо. «Мой кузен, — сказал король Сицилийский, — не знаете ли вы чего-нибудь об этом? Вы должны сказать нам». Герцог Жан отвел его в сторону вместе с герцогом Беррийским и сказал им, что это он, искушенный и застигнутый дьяволом, приказал совершить это убийство.

При этой речи их охватило ужасное изумление, они остались без слов, совершенно испуганные тем, что только что услышали. «Я теряю обоих моих племянников», — были первые слова, которые смог произнести герцог Беррийский, проливая поток слез. Герцог Бургундский немедленно вышел в великом смятении, и совет разошелся. Каждый был словно подавлен и не мог собраться с мыслями, ни понять, что делать. Что их удручало более всего, так это степень порочности, потребовавшаяся для осуществления подобного замысла. Он был подготовлен задолго, как вскоре узнали. Герцог Бургундский выбрал для исполнения этого преступления нормандского дворянина по имени Рауль д'Октонвиль. Это был бывший генерал финансов [44], которого герцог Орлеанский справедливо лишил должности за недостойные хищения. Этот человек, сговорив множество разных людей в помощь своему заговору, в том числе двух братьев Курт-Ёз из графства Гин, один из которых был камердинером короля, долго искал дом в квартале Сен-Поль, чтобы укрыться там со своей бандой, и нашел наконец, 17 ноября, тот, что имел вывеску Образ Богоматери. Он нанял его целиком на шесть месяцев за шестнадцать экю, сказав, что хочет устроить там склад вин. Он тотчас заперся там и провел шесть дней, без шума, без того, чтобы кто-либо выходил из дома днем, и подкарауливая случай. Это было как раз тогда, когда герцог Бургундский мирился со своим благородным кузеном, клялся ему в братстве, осыпал его ласками, ел с ним один хлеб и пил одно вино, принимал с ним вместе святое причастие. Вот что заставляло содрогаться. Пытались припомнить все обстоятельства; и тогда нашлись люди, которым показалось, что они вспомнили, что когда герцог Бургундский на следующий день вошел в церковь Блан-Манто, труп истек кровью при виде убийцы.

Герцог Бургундский, которого на первый миг смутило, вскоре оправился и вновь обрел всю свою дерзость. На следующий день принцы собрались на совет в отеле Нель. Он пришел, чтобы занять там место. Ему велели сказать, чтобы он не входил в зал. «Мой кузен, — сказал он с удивлением и гневом графу де Сен-Полю, в обществе которого он пришел, — что вам кажется по поводу этого и что нам делать?» «Монсеньор, — ответил сир де Сен-Поль, — вам следует удалиться в свой отель, раз не угодно нашим сеньорам, чтобы вы были в совете». «В таком случае возвращайтесь с нами, — возразил герцог. — Извините меня. Я пойду найти наших сеньоров совета: они меня вызвали». Во время этого разговора герцог Беррийский подошел к двери и сказал герцогу Жану: «Мой племянник, воздержитесь входить в совет. Вас там видели бы без удовольствия». На что герцог Бургундский ответил: «Монсеньор, я охотно воздерживаюсь, и дабы никто не обвинял кого-либо в смерти герцога Орлеанского, я заявляю, что это я, и никто иной, велел сделать то, что было сделано». С этими словами он повернул лошадь и удалился. Герцог Беррийский остался в оцепенении от такой уверенности. Герцог Бурбонский подоспел к этому происшествию и сильно порицал, что его не арестовали [45].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.